

Т. В. ЦИВЬЯН

К АНАЛИЗУ ОДНОГО ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СХОЖДЕНИЯ В МАРГИНАЛЬНЫХ ЗОНАХ БАЛТО-БАЛКАНСКОГО АРЕАЛА

Эта заметка посвящена достаточно сложной и тонкой грамматической категории, имеющей много наименований (о чем см. ниже); здесь выбирается термин „категория пересказа“ (сокращенно КП). Она далеко не тривиальна, отмечена в сравнительно небольшом числе языков, и ее генезис, типология, семантика, функции привлекают постоянное внимание исследователей.

Анализ КП ведется, как правило, в направлении *изнутри вовне*, т. е. индуктивно: на основании обработки конкретного материала устанавливается максимальный набор употреблений КП. Частота встречаемости указывается приблизительно или не указывается вообще, что может привести к некоторому перекосу в оценке роли КП как в системе языка, так и — особенно — в речи. Результаты такого рода описаний, при всей их ценности, приводят к тому, что семантическая шкала КП почти совпадает со списком примеров или, во всяком случае, зависит от них чрезмерно¹. В этом плане представляется небесполезным взглянуть на КП предельно обобщенно, однако с учетом тех опасностей, которые заключает в себе и слишком широкий подход.

Обобщение начинается с выбора термина, в наибольшей степени соответствующего семантике КП. Среди вариантов, отражающих уже упомянутую дробность семантической классификации КП (комментатив, конфирматив, адмиратив *narratif, présomptif, testimonial, reportedness, reported speech, modus renarrativus, modus inveritativus* и т. п.), пожалуй, наиболее удачным с разных точек зрения представляется введенный Р. Якобсоном термин *evidential (E)*². Имеется в виду, что описываемая им категория учитывает три факта: сообщаемый, сообщения и передачи сообщения, т. е. указание на источник сведений о сообщаемом факте. Иными словами, говорящий опира-

¹ Ср. „compendium“ значений, приписываемых КП: цитирование в широком смысле, разная степень уверенности в сообщении, нейтральный пересказ, сомнение, недоверие, предположение, неподтверждение, потенциальность, отрицательное отношение к сообщению, бессознательное совершение действия, неожиданность, ирония, насмешка, передразнивание и т. п.

² Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb*. Harvard: University Press, 1957.

ется на сообщение какого-либо другого лица (цитата), на сны, на догадки или на собственный прошлый опыт; слушатель же, со своей стороны, воспринимает сочетание сообщения *в* сообщении и сообщения *о* сообщении, имеющее сложную шкалу градаций.

К этому прибавляется эмоциональная оценка „сообщения о сообщении“: нейтральность, апробация, сомнение, ирония и т. п. По этому признаку в КП (evidential) может быть включен и адмиратив, функция которого в узком смысле — выражение удивления перед неожиданной информацией. В более широком смысле для адмиратива существеннее не выражение эмоции, а обозначение факта, не известного говорящему до момента речи. Адмиратив выражает невключенность говорящего в ситуацию еще более тонко, чем комментатив, поскольку здесь присутствует особый временной указатель-актуализатор (оппозиция *до момента речи/момент речи*), что подчеркивает резкий перепад между состоянием „незнания“ и состоянием внезапного приобретения „знания“³.

Актуальность категории Е в языке и специально в акте речи, в дискурсе несомненна; последние исследования по коммуникативной лингвистике, лингвистической семантике и прагматике это лишний раз подтверждают. Процедура современного лингвистического анализа в принципе должна содержать проверку каждого сообщения на Е (КП). Тем более примечательно, что лишь немногие языки выработали регулярные морфологические (морфосинтаксические) средства для ее выражения. Обычно „сообщение в сообщении“ не выделяется из косвенной речи. Правда, особое место занимают специальные лексемы, типа рус. *говорят, якобы, мол, де, гляди* и т. п., которые можно рассматривать как своего рода дейктические шифтеры или, по крайней мере, устойчивый набор клише. Кроме того, на уровне речи следует учитывать и интонационные средства для выражения КП.

Вопрос о причинах этого явления относится в большей степени к философии и истории языка и здесь рассматриваться не будет. Однако трудно ограничиться регистрацией фактов и не попытаться хотя бы предварительно их осмыслить. Так, примечательно прежде всего ареальное распределение языков с морфологическим выражением КП. Не касаясь индейских, которые вскользь упоминает Якобсон в названной работе, обратимся к территории Евразии. КП отмечена в следующих языках: *и.-е.* — албанский, армянский, болгарский, македонский, литовский, латышский, таджикский; *не и.-е.* — грузинский, тюркские, прежде всего турецкий и гагаузский, прибалтийско-

³ Цивьян Т. В. О некоторых способах отражения в языке оппозиции *внутренний/внешний* // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 251.

финские, прежде всего эстонский. В этой на первый взгляд пестрой и неупорядоченной картине достаточно четко выделяются два куста, расположенные в маргинальных зонах балто-балканского ареала. На севере — литовский, латышский, эстонский. На юге — албанский, болгарский, македонский, турецкий.

Основная характеристика каждого из этих „кустов“ — ситуация длительных контактов родственных и неродственных языков с вытекающими отсюда типологическими схождениями. В процессе контактов была выработана или заимствована КП. Возникает вопрос, почему именно она? Почему это произошло на противоположных концах весьма протяженного ареала, который рассматривается сейчас как своего рода этнолингвистическое и этнокультурное единство, подтверждаемое генетическими и типологическими языковыми параллелями, объединяющими его северную часть с южной?

Вряд ли плодотворно говорить о случайном совпадении. Допустимо предполагать в основе данного явления некий глубинный механизм. Возможно, актуализатором возникновения / восприятия КП оказалась сама по себе ситуация языковых контактов, имплицитно усложняющая акт коммуникации. При общении носителей разных языков возникают разные варианты выбора языка: каждый говорит на своем языке; только один говорит на своем языке; выбирается язык-посредник („третий язык“) и соответственно вариант язык-посредник — „свой“ язык; выбор языка меняется в ходе коммуникации в зависимости от изменения состава участников, от темы, места, времени и т. п. Не возникает ли при этом потребность особым образом определить свою позицию в акте общения, выделив *свое* или *чужое* авторство? В содержательном плане это по существу подразумевает проверку на *истинность / ложность*, в семиотическом — отражение оппозиции *свой / чужой*, *внутренний / внешний*, особо значимой в ситуации многоязычных контактов.

Здесь приходится выходить за пределы собственно языка и обращаться к такой неисчерпаемой теме, как формирование менталитета в условиях контактов (и в кругу соответствующих социоисторических и т. п. процессов). Такого рода ситуация характеризуется повышенно острым чувством национального самосознания, что выражается, в частности, в особой значимости понятия *своего* и прежде всего *своего языка*, ощущаемого почти как осязаемая субстанция, как материальное воплощение национальной сущности. Одновременно с этим воспринимается и *чужой* как партнер по контактам, прежде всего языковым, т. е. *чужие языки* осознаются как необходимый инструмент коммуникации. В этом контексте КП, основная функция которой — четкое различение *своего* и *чужого*, представляется весьма органичной.

Переходя к морфологии КП, которая сама по себе является проблемой для размышления, целесообразно сделать ряд предварительных замечаний. Предполагается, что потенциально любой язык обладает внутренними ресурсами для выработки максимального набора грамматических категорий, но реализует свои возможности лишь частично. Межъязыковые контакты — один из стимулов к появлению новых категорий „из собственных запасов“. Однако однозначное объяснение в этом случае — подгонка языка под механистическую схему. Слишком сложные факторы управляют этими процессами; очевидно, что они не случайны, но попытки прямолинейных объяснений обычно себя не оправдывают.

Подобная ситуация возникает и в связи с трактовкой КП в балканских и балтийских языках. Здесь многое определялось бы ее датировкой⁴. Если КП сравнительно новое образование, то направление заимствования единодушно определяется для балканских — из тюркских (кстати, армянский, грузинский и таджикский также долгое время были связаны с тюркским), для балтийских — из прибалтийско-финских. Иными словами, и балканские и балтийские языки ориентировались на готовую модель, но реализовали ее с помощью собственных средств. Однако, если отодвигать образование КП в более ранний период (для чего есть определенные основания), то формулировка о заимствовании должна быть более осторожной. Но во всяком случае можно исходить из того, что наличие достаточно четкой морфологически КП в одном из контактирующих языков спровоцировало ее появление (или проявление) в другом, и здесь, пожалуй, еще раз стоит подчеркнуть, что речь идет о контактах неродственных языков.

В принятом здесь весьма общем масштабе морфологическое описание КП дается по нормативным грамматикам, т. е. на уровне литературного языка⁵.

⁴ О времени появления КП соответственно в балканских и балтийских языках см., в частности, в работах: Демина Е. И. К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива // Симпозиум по грамматической типологии славянских и балканских языков. М., 1973; Сытов А. П. Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979; Ambrazas V. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. V. 1979. § 163—205; Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. II. V., 1981. P. 215.

⁵ Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968; Эйнтрей Г. И. Албанский язык. Л., 1982; Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. М., 1949; Грамматика на съвременния български книжовен език. II. Морфология. София, 1983; Конески Б. Грамматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967; Усикова Р. П. Македонский язык. Скопје, 1985; Lietuvių kalbos gramatika. II. Morfologija. V., 1971; Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985; Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951; Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I. Fonētika un morfoloģija. Rīgā, 1959.

Нормативная грамматика в данном случае рассматривается как средство фиксации (alias верификации), надежность которого не зависит от степени речевой реализации данной категории. В данном случае мы опираемся на некоторые положения общей теории языковых союзов. Языковые союзы, несомненно, формируются на основе междиалектного общения, результаты же его фиксируются в литературных языках, являющихся в этом смысле надежной формой записи, синхронизирующим экстрактом многих сложных составляющих. В той же степени достоверной является и общая схема (напр., грамматической системы языкового союза), основанная на литературных языках, так сказать, „экстракт экстракта“. Она оправдана, если ее масштаб выбран таким образом, что отклонения на уровне речи не могут ее опровергнуть: она должна описывать только существенные черты.

Итак, КП, как она описывается (и предписывается) нормативными грамматиками. Здесь мы будем исходить из общепринятого положения о развитии КП в балтийских и балканских языках под влиянием иноязычного субстрата и потому в начале приводим формы КП, как бы смоделировавшие соответствующую категорию в балтийских и балканских языках. Объем статьи не позволяет дать сколько-нибудь полный обзор материала, поэтому приходится ограничиться данными эстонского и турецкого языков.

Балтийский „куст“

Эстонский. КП (косвенное наклонение, *modus obliquus*, *kaudne kõneviis*) имеет простые и сложные формы и различает два времени: наст. вр., образующееся от основы *ma*-инфинитива прибавлением форманта *-vat*, с нейтрализацией лица и числа — *kirjutavat*; перфект, сложное время, образующееся от КП наст. вр. вспомогательного глагола „быть“ и *nud*-партиципа, с нейтрализацией лица и числа — *olevat kirjutanud*. В качестве утвердительной формы перфекта КП иногда употребляется только *nud*-партицип — *ma, sa, ta ... kirjutanud*.

Латышский. КП (*modus relativus*, *atstāstījuma izteiksme*) имеет простые и сложные формы и различает четыре времени: наст. и буд. простые, образующиеся от основы соответствующих форм индикатива прибавлением форманта *-ot* с нейтрализацией лица и числа — *lasot, lasīšot*; наст. и буд. сложные, образующиеся от КП наст. и буд. времени вспомогательного глагола „быть“ и активного претеритного причастия *esot lasījis, bušot lasījis*, с нейтрализацией лица и числа.

Литовский. КП (*modus obliquus*, *netiesióginė nūosaka*) имеет простые и сложные формы и парадигму, симметричную парадигме индикатива: про-

стым временам индикатива соответствуют активные причастия всех времен — *metās, mētes, mēsdaveş, mēsiq*; сложным — сочетания активных и пассивных причастий с активными причастиями от глагола „быть“ — *esāş (būveş, būdaveş, būsiq) mētes (mētamas, mēstas, bemetās)*.

Балканский „куст“

Турецкий. КП различает настоящее и прошедшее время и образуется прибавлением соответственно к существительному и прилагательному и претеритному причастию форманта *-miş* и аффикса сказуемости. В 3-м лице аффикс сказуемости отсутствует — *(ben) öğretmenmişim, almışim; (o) müdürmüş, almış*.

Албанский. КП (*modus admirativus, mēnyra habitore*) имеет простые и сложные формы и различает четыре времени: наст. вр., образующееся присоединением наст. вр. индикатива вспомогательного глагола „иметь“ к усеченному причастию спрягаемого глагола — *punuakam*; имперф., образующийся присоединением имперф. индикатива вспомогательного глагола „иметь“ к усеченному причастию спрягаемого глагола — *punuakēsha*; перф., образующийся сочетанием КП наст. вр. от вспомогательных глаголов „иметь“ или „быть“ (в зависимости от залога) и причастия спрягаемого глагола — *paskam punuar, qenkat larë*; плюсквамперф., образующийся сочетанием КП имперф. вспомогательных глаголов „иметь“ или „быть“ (в зависимости от залога) и причастия спрягаемого глагола — *paskēsha punuar, qenkēsha larë*.

Болгарский. КП (преисказно наклонение) имеет только сложные формы и парадигму, симметричную парадигме индикатива. КП, соответствующая простым временам индикатива, образуется сочетанием причастия на *-л* и наст. вр. вспомогательного глагола „быть“ — *чел, четял съм*. КП, соответствующая сложным временам индикатива образуется сочетанием причастия на *-л* от спрягаемого глагола, причастием на *-л* от вспомогательного глагола и наст. временем вспомогательного глагола „быть“: *бил съм ходил* (о более сложных формах КП, типа *щял съм да ходя, щял съм да съм донесъл* в данном случае мы не говорим). В 3-м лице глагол-связка опускается.

Македонский. КП (прекажани форми) имеет только сложные формы, образующиеся сочетанием причастия на *-л* спрягаемого глагола и наст. вр. индикатива глагола „быть“ — *сум правел, направил*. Перф. II индикатива меняет форму вспомогательного глагола — „иметь“ *имам* на *сум имал*, таким образом КП от перфекта II включает два причастия и имеет вид *сум имал правено, направено*. В 3-м лице глагол-связка опускается.

Так в самом общем виде может быть представлена система КП в маргинальных зонах балто-балканского ареала. Обращает на себя внимание единство морфологической типологии КП, которое заставляет думать едва ли не об универсалии, по каким-то причинам реализовавшейся лишь в избранных языках. Принцип образования КП может быть сформулирован следующим образом: уйти от глагола к имени, что проявляется двояко. Во-первых, в потере специфически глагольных граммем — прежде всего финитности, лица, времени (но и числа), что приводит к „ужатию“ парадигмы; во-вторых, в укреплении именных граммем, прежде всего рода (но и числа). Тем самым дихотомия имя / глагол смазывается за счет ослабления предикативности: глагол вытесняется причастием, в котором мы видим прежде всего черты имени. С другой стороны, сохраняющаяся в причастии предикативность получает дополнительную нагрузку: фразы типа лит. *ta žtona persigandusi* или болг. *бойците... останали в земляката* (ср.: *младите съпрузи, слезли на тая станция*) не должны восприниматься как именные. Поскольку предполагается, что адресат безошибочно определяет здесь КП в соответствии с определенным временным, аспектуальным, залоговым планом (пусть даже с достаточной степенью нейтрализации), он видит здесь предикативность, парадоксально подчеркиваемую своим собственным ослаблением⁶.

Итак, тяготение КП к нефинитным формам глагола и прежде всего к причастию очевидно, как очевидна и актуализация предикативной роли причастия. Для того чтобы уяснить эту ситуацию, придется уйти из чистой типологии, обратившись, насколько это возможно, к историческим и генетическим корням КП. Хотя в свое время были высказаны разные точки зрения на происхождение КП в рассматриваемых языках (обзор см. в уже упомянутых работах В. Амбразаса и А. П. Сытова), связь КП с перфектом не должна вызывать сомнений. Для балто-балканского ареала это либо чистый перфект (ряд форм в болгарском и македонском, хотя в грамматиках они могут определяться и как формы, омонимичные перфекту), либо это, так сказать, вариации на базе перфекта: нагнетение причастных форм, усложнение формы глагола-связки. Несколько особняком стоит синтетическая форма наст. вр. и имперф. КП в албанском, но это по происхождению инвертированный, „спаянный“ перфект, и конструкция его как бы проясняется в сложных формах перф. и плюсквамперф. КП.

⁶ Можно предположить, что анализ идет по следующей схеме: „мы отождествляем КП потому, что вместо ожидаемой финитной формы глагола видим причастие, но раз это причастие выражает КП, то оно представляет собой «замаскированную» финитную форму“.

Конечно, связь КП с перфектом не ограничивается формальной стороной, планом выражения. Действительно, значения, соотносимые с КП, не раз отмечались для и.-е. перфекта⁷. Уже в сравнительно небольшом списке древнейших форм простого перфекта выделяется семантическая группа, связанная со способом получения знания, ср. особенно „очевидное“ знание: греч. οἶδα, др.-англ. *wāt*, гот. *wait* и др. „знаю (так как я видел)“⁸.

Связь с именем, постулируемая для и.-е. простого перфекта, прослеживается и в более позднем, аналитическом перфекте, который в определенном смысле может быть представлен как именная конструкция (т. е. нечто вроде составного именного — учитывая причастие — сказуемого). Сославшись на Бенвениста⁹, укажем содержательную значимость вспомогательных глаголов *иметь* = обладание, *быть* = состояние, уводящую связку от функции простого шифтера. С другой стороны, глагол-связка легко опускается, давая простор развитию конструкций с причастным абсолютивом. Таким образом тенденция к приглушению финитности заложена уже в формальной основе КП и в определенном смысле влияет на ее семантику.

Далее следует обратиться к категориальному значению перфекта. Если исходно он обозначал состояние, то наложение временных параметров вызвало, так сказать, растянутость по временной оси: действие, совершенное в прошлом, но сохраняющее результат до момента речи, т. е. в определенном смысле нейтрализующее противопоставление *прошлое/настоящее*. Эта неприуроченность к временной точке или отрезку времени дала основание видеть в перфекте своего рода неопределенность *sc.* неопределенность. Действительно, оппозиция *определенность/неопределенность* нашла место в описании глагольной парадигмы болгарского, македонского (в какой-то степени сербскохорватского) и тюркских языках (турецкий, гагаузский). В системе претеритных времен *неопределенность* приписывается перфекту и плюсквамперфекту, а *определенность* — аористу и имперфекту. Предполагается, что *определенность/неопределенность* значит здесь не более, чем *ограниченность/неограниченность* во времени и терминологически омонимична той же оппозиции, связанной с именем. Однако связь с именным дейксисом не может, как кажется, не бросать ответ и на систему глагольных категорий. В этом последнем слу-

⁷ Ср. прежде всего и в связи с балтийскими языками: Lohmann J. Ist das idg. Perfektum nominalen Ursprungs? I. Zur Semasiologie des Perfekt-Ausdrucks // KZ. 1937. 64, Hf. 1–2. S. 42–61.

⁸ Ср. гот. *lais* „я знаю (так как я узнал)“: Бенвенист Э. О некоторых формах развития индоевропейского перфекта // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 145.

⁹ Benveniste E. Les transformations des catégories linguistiques // Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 2. Paris, 1974. P. 128 s.

чае *неопределенность*, как представляется, распространяется на более широкий круг понятий. Возможно, именно ощущение некоей неопределенности в значении перфекта вообще, замеченное давно, лежит в основе достаточно решительно сформулированной в последнее время мысли о том, что гипотетичность, или недостоверность, незасвидетельствованность изначально заключена в перфекте:¹⁰ „Эта особенность перфектных образований (выражать первоначально состояние как результат прошедшего действия. — Т. Ц.) объясняет и семантику гипотетичности, имплицитно содержащуюся в глагольных формах перфекта. Поскольку действие произошло в прошлом, а автор коммуникации (1-е лицо) является лишь свидетелем состояния как результата этого действия, это последнее воспринимается им как акт, совершенный вне его присутствия, как некоторое гипотетическое событие, о котором он судит только по результатам этого действия“. Эта гипотетичность перфекта и может, как представляется, включаться в понятие неопределенного дейксиса, грамматически по преимуществу связанного с именем. Здесь, с одной стороны, можно вспомнить об изначальных „именных связях“ перфекта, а с другой стороны, указать, что в кругу понятий коммуникативной лингвистики дейксис, конечно, выходит за пределы грамматической категории. На этом уровне признак „нечто“, приписываемый перфекту, семантически тождествен неопределенному артиклю, неопределенному местоимению и под.¹¹

Это свойство перфекта и определило его выбор в качестве наиболее эффективного средства для передачи столь специфической информации, как „сообщение о сообщении“ (во всяком случае для рассматриваемых здесь языков, где условия языковых контактов, определяющие не только изменения в языке, но и воздействующие на менталитет его носителей, актуализируют необходимость

¹⁰ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси, 1984. С. 338. — Там же о „заглазных“ глагольных формах в картвельских языках, о различении 'группы виденного' и 'группы невиденного' в грузинском, типологически сопоставимом со сходным различием по отношению к перфекту у Панини (*parokṣā* — *aparokṣe*). Далее (с. 339) об употреблении и.-е. перфекта при отрицании, что также связывается с идеей гипотетичности (ср. хотя бы специальные конструкции при отрицании КП в балканославянских).

¹¹ Амбивалентность, „неопределенность“, перфекта как категории лишней раз проявляется в том, что его значение и употребление допускает и противоположную трактовку. Так, Бенвенист, анализируя соотношения времен во французском глаголе, интерпретирует аорист и перфект „с точностью до наоборот“: перфект, который является „временем, и вместе с тем чем-то иным, чем время“ устанавливает непосредственную связь между событием прошлого и настоящим моментом: „пользующийся перфектом тем самым передает факты как свидетель, как участник“, см.: Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика, с. 279, 280. — Ср. в связи с этим идею неопределенности в названии времени *аорист*.

указания на то, помещает ли себя автор коммуникации *внутри* ситуации или подчеркивает, что он находится *вне* и лишь „сообщает о сообщении“).

Хотя в начале было оговорено, что анализ КП ведется исключительно на уровне нормативных грамматик соответствующих литературных языков, представляется необходимым в заключение высказать некоторые замечания по поводу реализации КП на уровне речи, в тексте. В данном случае мы ограничимся литовским, оговорив, что типологически сходную картину можно наблюдать и в других из рассмотренных здесь языков. Дело в том, что в речи КП употребляется нерегулярно, обманывая ожидания грамматиста и как бы опровергая установленные им же самим правила. Особенно ярок этот контраст для тех языков, где постулируется парадигма КП, полностью симметричная парадигме индикатива (случай литовского и болгарского). Оказывается, это богатство форм не находит себе применения, что и приводит авторов „Грамматики литовского языка“ к следующему заключению (§327): „Употребление косвенного наклонения... в современном литературном языке не является обязательным. Весьма часто косвенно воспринятые или сомнительные действия выражаются соответствующими личными формами изъявительного наклонения, особенно в тех случаях, когда на неочевидность информации в контексте указывают глаголы речи, восприятия, мышления или модальные слова... в современном литературном языке широко распространяется нейтрализация модального противопоставления личных и причастных форм... Почти во всех случаях формы косвенного наклонения могут заменяться формами изъявительного наклонения, но не наоборот“.

Более того, КП сочетается с лексическими шифтерами и другими средствами, призванными заменять ее, использует как бы избыточные подпорки, ср. хотя бы примеры из той же грамматики (§326): *Čia, sako, miškai buvę; Būdavo, ims pasakoti, prie kokių darbų jis buvęs stumdomas; Bene nuo žmonos jis atsiskyręs esąs; Žiūrėk, koks didelis lazdynas išaugęs!* и т. д. На поверхностном уровне создается впечатление, что либо язык не использует собственных возможностей, либо система КП навязана ему грамматистами. Действительно, хрестоматийные случаи: цитирование, нейтральное или не-нейтральное (в научных работах, в публицистике и т. п.), где, казалось бы, КП не только естественна, но и обязательна; фольклорные тексты, особенно былички и т. п.; корреспонденции в прессе, передача „чужой“ информации в разговорной речи и др. — дают весьма скудное количество КП¹².

¹² Но: КП регулярно употребляется, напр., в упомянутой книге Амбразаса, посвященной историческому синтаксису литовских причастий (особенно последовательно в § 188, где перечисляются разные точки зрения на КП в балтийских языках).

Редкая встречаемость КП приводит к тому, что она описывается на уровне примеров, выхваченных из текста, а не в структуре законченного текста или хотя бы достаточно протяженного его отрезка. В результате ее появления / непоявления в тексте, сочетание с индикативом выглядит случайным и произвольным, что и приводит к выводам о ее исчезновении. Однако эти выводы представляются по меньшей мере преждевременными (хотя бы потому, что существует, по крайней мере теоретически, и противоположная возможность: КП — сравнительно новая категория, которая еще не установилась), и с более общей точки зрения это решение оставляет ощущение неудовлетворенности: во-первых, не учитывается типология КП, особенно на балто-балканском ареале, во-вторых, скрытый механизм КП остается в стороне.

Здесь, во-первых, можно предположить, что КП по своей содержательной сути имеет ограниченное применение, выполняя диагностические задачи; что избыточной была бы как раз ее регулярность (ведь и применение лексических шифтеров ограничено: одного *говорят* хватает на законченное сообщение, а повторение рассматривается как стилистический прием / ср. фолькл. *В лесу, говорят, в бору, говорят, растет, говорят, сосенка* и под. / или даже засорение речи). Следовательно, первое, чего не хватает обычно описаниям КП — это анализа ее употреблений в тексте, ее функциональной роли в тексте, а не в отдельном предложении. Иными словами, исследование КП целесообразно включить в рамки лингвистики текста и коммуникативной лингвистики. Тогда и статистические данные (и сейчас весьма приблизительные) получают новое освещение; возможно, абсолютная статистика не будет для КП столь показательной и существенной. Избыточность и дефектность, языковая синонимия и омонимия — эти явления следует интерпретировать на уровне текста, с учетом ролей участников коммуникации. К предположениям о диагностической функции КП в тексте, имплицитующей экономность ее употребления, надо присоединить и то, что можно назвать „субъективностью“: автор коммуникации может произвольно не только определять, но и менять свое место *внутри* или *вне* сообщения. Наконец, нагнетение синонимических средств при первом появлении КП может компенсировать ее отсутствие на остальном пространстве текста. Решение этих вопросов зависит от выработки специальной процедуры анализа, учитывающей и содержательные и формальные параметры исследуемого текста.

Приведем в качестве иллюстрации краткие предварительные наблюдения над фольклорными текстами из сборника „Дары русалок“¹³. Большая часть текстов может быть определена как былички, т. е. описания действительных случаев, как правило, известных рассказчику с чужих слов (этот „дис-

¹³ Laumių dovanos / Paruošė N. Vėlius. Vilnius, 1979.

танционный“ пересказ сообщает бытовому факту как бы дополнительную степень мифологизации, своего рода бóльшую мифологическую достоверность). По грамматике, здесь надо ожидать сплошной КП. Этого не происходит. Если рассматривать данный сборник как единый текст (корпус литовских быличек), то можно сказать, что КП как бы вспыхивает в отдельных точках, распределенных неравномерно, весьма скупо (около двух десятков текстов из более чем четырехсот), и тем не менее репрезентативно. Во-первых, отсутствие КП не означает отсутствия пересказа — он выражается другими средствами, прежде всего лексическими указателями или сообщениями с кем, когда, где произошел данный случай. Во-вторых, именно редкость форм КП делает их отмеченными. В этом смысле интересно сопоставление текстов, содержательно и формально построенных по одной модели, но противопоставленных по наличию/отсутствию КП, ср. (об изгнании Лауме с помощью узнавания ее имени): 1. „Ausk, ausk, Krauzele“ (...*Laumė įsėdo ir audžia...*); 2. „Dėgė, Špėgė ir Nokužė“ (*į vestuves atėjusios trys laumės... paprašiusios darbo ir viską darbavusios po namus...*) (с. 15); ср. еще: „Žalčio išmintis“ (*nežinau, kiek metų turėjau, bet jau daugiau negu dešimt, kai ganiau gyvulius Sarakovkos kaime...*); „Žalčių kerštas“ (*pas vieną ūkininką buvęs bernas...*) (с. 262, 263) и др. Таким образом, если иметь в виду весь представленный корпус, можно предположить, что для отражения категории evidential избыточен сплошной перевод глагольных форм КП и достаточно ее появление в диагностических точках и что автор сообщения по своей воле придает ему разную степень достоверности, в зависимости от своей позиции *внутри* или *вне* сообщения.

Как кажется, это положение сохраняется и для отдельно взятых текстов, построенных на формах КП. Едва ли не в каждом КП чередуется с другими глагольными формами, прежде всего в индикативе (ср., впрочем, „*Raganų plukdymai ir deginimai*“ с. 208). Без полного обследования материала, естественно, нельзя говорить о сколько-нибудь определенных выводах, но уже первые наблюдения наводят на мысль о том, что чередование КП и индикатива несет смысловую нагрузку и тем самым может структурировать текст. Здесь выделяются разные приемы. Так, на с. 22 „*Laumės rugagai*“ (парень хитростью выманивает у Лауме пироги, заставляя сказать, через какое поле она не может перейти): текст последовательно выдержан в КП, но прямая речь персонажей, казалось бы, тем более относящаяся к КП, дана в индикативе: двойной пересказ, очевидно, был бы избыточным; этот принцип соблюдается и в других подобных текстах, ср. „*Laimės ir kūdikis*“, „*Laimių lėmimas*“ (с. 27), „*Užburti dobilai*“ (с. 235) и др.

Примечательно распределение форм КП и индикатива в тексте

Perkūnas turėjęs daug akmenų krūvoje, ir velnias pavogęs vieną akmenį. Pavogtą akmenį idėjęs savo gryčios pamatan, nes jam, statant gryčią, vieno *buvo* pritrūkę. Perkūnas, sužinojęs, kad velnias *pavogė* vieną akmenį, *užpyko* ir dabar *muša*, kur tik *pamato*. Perkūnas kai kada velnią *nutveria* ant akmens sėdint, medy tupint, vandeniui plaukiant. Velnias *stengiasi* atsitūpti ant aukštesnio akmens ar aukštesnio medžio. Todėl žmogui *nereikia* stoti po aukštesniu medžiu, nes ten velnias tupės. Velnias *tupi* aukščiau, kad geriau *pamatytų* perkūną.

Общий принцип следующий: содержание предания сообщается в КП, что как бы отодвигает его в мифологическое время, которому автор сообщения не мог быть свидетелем (но это не делает сообщение недостоверным). Как бы для подчеркивания реальности автор „съезжает“ на индикатив, начиная с объяснения причины проступка вяльняса. После глагола мышления, вместо ожидаемого „удвоенного“ пересказа идет индикатив (см. выше). Наконец, прагматические правила, адресованные человеку (чтобы он случайно не стал жертвой вражды Пяркунаса и вяльняса) также передаются индикативом.

В данном случае мы не учитывали, что на распределение КП в рассматриваемом сборнике мог повлиять исходный диалект, на котором записывались тексты. Исследование диалектного массива, на котором отмечено морфологическое выражение КП, — особая задача, которую, возможно, следует решать в более широком плане, захватывая вообще модальное употребление причастий. Если считать центром иррадиации этого явления прибалтийско-финский субстрат, то к достаточно компактной зоне, включающей ареалы распространения эстонского, ливского, куршского, языка селов, большего числа латышских говоров, говоров Жемайтии и северо-восточной Аукштайтии¹⁴, целесообразно присоединить и северно-русские говоры с причастным абсолютивом (типа *он пришедши*)¹⁵, чтобы в этой перспективе выяснить границы и содержательную специфику КП. Разбираемое явление настолько связано с проблемой коммуникации (в данном случае — междиалектной), что его исследование методами коммуникативного (ситуативного) синтаксиса, к диалектному материалу пока не применявшимися, может дать, как представляется, плодотворные и нетривиальные результаты¹⁶.

¹⁴ См. подробно: Endzelīns J. Op. cit. § 701, 766, 767; Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija. Rīgā, 1964. L. 139—140, 241—244, 374—377; Ambrazas V. Op. cit. § 190, 202, 203.

¹⁵ Veenker W. Die Frage des finno-ougrischen Substrats in der Russischen Sprache. Bloomington, 1967.

¹⁶ Приношу благодарность за помощь в работе Д. Алекне.